

ЁКО ОГАВА
ЛЮБИМОЕ
УРАВНЕНИЕ
ПРОФЕССОРА

УДК 821.521-34
ББК 84(5Япо)-442
О36

新潮文庫

博士の愛した数式

小川 洋子 著

Перевел с японского Дмитрий Коваленин

Дизайн обложки Анны Стефкиной

Огава, Ёко.

О36 Любимое уравнение профессора : [роман] /
Ёко Огава ; [пер. с яп. Дмитрия Коваленина]. —
Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2022. —
255 с.

ISBN 978-5-6047104-6-3

Copyright © 2003 by Yoko Ogawa
This novel was originally published
in Japan by Shinchosa under the title
Hikase no Aishita Sûshiki
© Коваленин Д. В., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2022

1

Мы с сыном так и звали его — Профессор. А он, в свою очередь, одарил мальчика пожизненной кличкой — Коренёк. Просторная, чуть приплюснутая детская макушка чем-то напоминала ему знак квадратного корня.

— О-о... В такой голове, наверно, прячутся очень особенные мозги? — пошутил он при первой встрече, взъерошив мальчишке вихры. Коренёк, который даже кепку носил, чтобы приятели не дразнили его за лохматость, настороженно втянул голову в плечи. — С ее помощью можно получить доступ к Бесконечности — и даже к таким числам, которых никогда не увидеть глазами...

И он вывел пальцем на пыльной столешнице горбатую закорючку:

« $\sqrt{}$ ».

* * *

Во всех бесконечных историях, что рассказывал нам Профессор, именно квадратный корень играл чуть ли не важнейшую роль. Хотя, возможно, самому Профессору, свято верившему, что устрой-

ство мира можно описать числами, в нашей «бесконечности» было бы тесновато. Но в каких еще категориях это описывать, если даже самым огромным из простых чисел — от исполинов из Книги рекордов Гиннесса в тысячи знаков длиной до чудовищ необъятней самой Бесконечности — не передать полноты и насыщенности того времени, что мы проводили с ним.

Хорошо помню день, когда он показывал нам, какое колдовство происходит с числами, если упрятать их под квадратный корень. Апрель едва начался. Вечерело, моросил дождь. В кабинете Профессора горела тусклая лампа, на ковре под ногами валялся брошенный сыном рюкзачок, а за окном подрагивали от дождевых капель бледно-розовые лепестки абрикоса.

Какая бы задача ни ставилась, Профессора не очень заботило, найдем мы решение или нет. Куда больше он радовался, когда мы метались в испуге, своими же ошибками загоняя себя в тупик, чем если просто замирали в молчании, не зная ответа. Ведь тогда рождалась новая задача, уже из предыдущей, что и приводило его в восторг. Он обладал уникальным чутьем на такую вещь, как *правильная ошибка*, и умел поддерживать нашу веру в себя именно в те минуты, когда решения не находилось, хоть плачь.

— Ну, а теперь — что же случится, если извлечь квадратный корень из минус единицы?

— Разделить ее дважды на себя? Так и останется минус единицей! — бойко отозвался Коренёк.

Недавно в школе им объяснили деление, после чего Профессору еще полчаса пришлось убеждать парня в существовании чисел меньше нуля.

« $\sqrt{-1}$ », — представляли мы. Корень из ста — десять, из шестнадцати — четыре, из единицы — единица. Значит, корнем из минус единицы будет...

Он никогда не торопил нас. И, казалось, больше всего обожал разглядывать наши с сыном задумчивые физиономии.

— Может, такого числа не бывает? — робко предположила я.

— Еще как бывает! Вот здесь, например! — Он указывал на свою грудь. — Число это очень робкое, стеснительное и не появляется там, где его могли бы увидеть. Но оно существует в нас, в нашем сердце, и своими крохотными ладошками поддерживает этот мир...

И молчали, пытаясь вообразить, что где-то — неведомо где — в отчаянии растопыривает руки бедная минус единица, угодившая под квадратный корень. Все, что мы слышали, — только шелест дождя за окном. Мой сын задумчиво поглаживает затылок, будто проверяя очертания квадратного корня на ощупь.

Хотя, конечно, профессором наш старик был далеко не во всем. Сталкиваясь с чем-нибудь незнакомым, он всякий раз смущался и робел, точно корень из минус единицы, и звал на помощь меня:

— Прости, что беспокою...

Даже просьбу включить ему тостер он всегда начинал с извинения. Поворачивая рычажок, я за-

водила пружину таймера, а он с любопытством вытягивал шею и все три с половиной минуты неотрывно следил, как поджаривается хлеб. Истина, извлеченная мною из тостера, восторгала его не меньше, чем доказательство теоремы Пифагора.

Впервые агентство социальной помощи «Акэ-боно» отправило меня к Профессору в марте 1992 года. Из всех домработниц нашего приморского городка я была самой молодой, но к тому времени у меня за плечами уже накопилось более десяти лет стажа. За кем бы ни приходилось присматривать, работой своей я гордилась. И даже когда на меня навешивали самых «проблемных» клиентов, от которых все вокруг уже отказались, не возражала ни словом.

Едва увидев клиентскую карточку Профессора, я сразу же поняла: с таким хлопот не оберешься. Обычно, если заказчик меняет работницу, на обратной стороне его карточки ставится отметка — синий чернильный штампик в форме звезды. У Профессора этих звездочек накопилось уже целых девять — рекордное число из всех, с кем мне доводилось связываться.

В воротах особняка, куда я пришла на собеседование, меня встретила преклонных лет дама. Стройная и элегантная, крашенные каштановые волосы собраны на затылке. Вязаное платье, в левой руке — черная трость для ходьбы.

— Я хотела бы доверить вам уход за моим... *деверем*, — объявила она. Что за отношения связывали ее с деверем, мне оставалось только гадать. — До

сих пор никто из ваших сотрудниц долго с ним не выдерживал. Одна за другой увольнялись, и с каждой новенькой приходилось начинать все с начала, а это суший кошмар — как для меня, так и для са-мого... *брата*.

Так-так, задумалась я. Может, она говорит о муже своей сестры?

— Работа не сложная, — продолжала она. — Вы должны приходить сюда с понедельника по пятницу к одиннадцати, чтобы накормить... *брата* обедом, прибрать в его комнате, сходить в магазин, приготовить ужин, и в семь вечера уйти домой. На этом все.

Слово «брат» с ее губ всякий раз слетало как-то нерешительно. Речь звучала учтиво, но пальцы стискивали трость беспокойно. Она сильно старалась не смотреть мне в глаза, но ее настороженный взгляд скользил по мне то и дело.

— В контракте с вашим агентством я изложила эти требования чуть подробнее. Но главное — мне просто нужен человек, который помогал бы ему день за днем жить самой обычной жизнью — такой же, как у других людей.

— А ваш... *брат* сейчас здесь? — уточнила я.

Кончиком трости дама указала в глубину сада на заднем дворе. Над аккуратно постриженными кустами фотинии маячил краешек черепичной крыши.

— Из флигеля в дом и обратно я просила бы не ходить. Вы должны заниматься только братом, а чтобы попасть к нему во флигель, пользуйтесь

отдельной тропинкой с севера. С любыми трудностями вы должны справляться сами, на месте, безо всяких консультаций со мной. Это — главное правило, которое нарушать нельзя.

И она легонько стукнула тростью о деревянный пол.

По сравнению с сумасбродными требованиями, которые мне доводилось выполнять у других нанимателей: подвязывать волосы лентой каждый день другого цвета, остужать кипяток для чая ровно до 75 градусов, складывать руки в молитве, как только в вечернем небе вспыхнет Венера, и так далее, условия *этого* дома казались сущими пустяками.

— Значит, мы могли бы познакомиться прямо сейчас? — спросила я.

— Никакой необходимости в этом нет! — возразила она. Да так резко, будто я ляпнула нечто оскорбительное. — Познакомьтесь вы сегодня — завтра он все равно вас не вспомнит.

— Простите... в каком смысле?

— В том смысле, что у него проблемы с памятью, — пояснила она. — Это не старческий маразм: клетки мозга здоровы и в целом функционируют нормально. Просто семнадцать лет назад он повредил голову в автомобильной аварии. И с тех пор не может запомнить ничего нового. Его память обрывается на событиях тысяча девятьсот семьдесят пятого года и ничего, что случилось с момента аварии, не сохраняет надолго. Он помнит теорему, которую доказал тридцать лет назад, но понятия

не имеет, что ел на ужин вчера вечером. Проще говоря, представьте, что в его голове — одна-единственная видеокассета на восемьдесят минут. И каждый раз, записывая что-нибудь свежее, он вынужден стереть все, что хранил на ней до тех пор. Таков запас его активной памяти. Ровно час двадцать — ни больше, ни меньше.

Она говорила ровно, без пауз, без каких-либо эмоций, явно повторяя все это, как мантру, уже в который раз.

Что такое запас активной памяти на восемьдесят минут, я представляла с трудом. Конечно, среди моих подопечных бывали и больные, но как тот опыт пригодился бы здесь, я понятия не имела. И тут же мысленно дорисовала на карточке Профессора очередную, десятую звезду.

Флигель — по крайней мере, на взгляд из дома — казался совсем заброшенным. Посреди окружавшей его живой изгороди, прямо между кустами фотинии, темнела старомодная калитка. На калитке висел огромный замок, изъеденный ржавчиной и птичьим пометом так, что, небось, и ключа уже не вставишь.

— Ну что ж... Начинать можете с понедельника, то есть послезавтра, если не против! — подытожила дама, давая понять, что все дальнейшие вопросы излишни.

Вот так я и начала присматривать за Профессором.